

УДК 271+929

DOI: 10.24411/2224-5391-2019-10303

Н. Ю. Сухова

«ВОПРЕКИ СТЕСНИТЕЛЬНОМУ РЕЖИМУ СО ВРЕМЕНИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО НАША ЦЕРКОВЬ ВСЕ-ТАКИ РАСЦВЕЛА»: СИНОДАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ПРАВОСЛАВНОЙ РОССИЙСКОЙ ЦЕРКВИ В ОЦЕНКАХ А. В. КАРТАШЕВА

Аннотация. Представляемая статья посвящена церковно-историческим оценкам синодального периода — самого непростого периода в истории Русской Православной Церкви, имеющего диаметрально противоположные оценки и неизменно вызывающего горячие дискуссии. Внимание сосредоточено на отношении к синодальному периоду А. В. Карташева — одного из наиболее заметных и неоднозначно оцениваемых русских церковных деятелей и историков конца XIX — XX в. Для А. В. Карташева, как человека, с одной стороны, воспитанного и активно действовавшего в синодальный период истории Русской Церкви, с другой стороны, имевшего возможность посмотреть на этот период уже в его завершённом состоянии, тема синодального строя и соответствующего периода была одной из важнейших.

Выявить отношение А. В. Карташева к этой теме очень непросто, часто его высказывания кажутся противоречащими друг другу. В статье обращается внимание на разделение А. В. Карташевым понятий «синодальный строй» и «синодальный период». В первом А. В. Карташев видит немало отрицательных черт, наиболее болезненными из которых являлись «связанность церковной свободы» и «раскол... в мировоззрении русского народа»: правящего класса, клира и народных низов. Но при этом многие черты, определившие синодальный строй, А. В. Карташев считал неизбежными в исторических условиях Нового времени, радикально изменивших взаимоотношения Церкви и государства. Синодальный период, несмотря на многие события, вызывавшие критику, А. В. Карташев считал периодом наивысшего расцвета Русской Церкви, ее славы и гордостью.

«Вопреки стеснительному режиму со времени Петра Великого...»

Рассмотрение исследований А. В. Карташева, связанных с синодальным периодом, проводится в свете трех опорных карташевских «столпов»: 1) его понимания «симфонии» и особенностей восточно-христианской концепции церковно-государственных отношений; 2) «халкидонского принципа», применяемого им к истории Церкви; 3) соотнесения внешнего — исторического — и внутреннего бытия Церкви и связанного с этим вопроса о возможности обновления исторических форм церковной жизни.

Ключевые слова: *Антон Владимирович Карташев, синодальный строй, синодальный период в истории Русской Православной Церкви, церковная реформа Петра Первого, Святейший Правительствующий Синод, Священный Собор Православной Российской Церкви.*

Цитирование. *Сухова Н. Ю. «Вопреки стеснительному режиму со времени Петра Великого наша Церковь все-таки расцвела»: синодальный период Православной Российской Церкви в оценках А. В. Карташева // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. 2019. № 3 (27). С. 66–82. DOI: 10.24411/2224-5391-2019-10303*

Данная статья посвящена синодальному периоду в истории Русской Церкви — видимо, самому неоднозначному периоду отечественной церковной истории, имевшему и крайне негативные оценки — период «обезглавленной» и «огосударственной» Церкви — и восхваление: период наивысшего расцвета Русской Церкви. Причем подобная диаметрально противоположная характеристика была характерна как для церковных деятелей и интеллектуалов самого синодального периода, так и для современных исследователей, что подтвердили дискуссии, связанные со 100-летием завершения этого периода через восстановление Патриаршества и практически совпавшими с этим событием завершением имперского периода в истории России, гибелью Царской семьи, началом гонений, периода новомученичества. Даже начальный анализ и услышанных, и опубликованных докладов, статей, комментированных источников, монографий вновь выявляет указанную неоднозначность в оценках синодальной эпохи, задающую «поле напряжения» для дальнейших исследований в этой области. Впрочем, само оживление интереса — это тоже важный результат всякого юбилея.

При этом следует отметить актуальность многих тенденций синодального периода для наших дней. Разумеется, зримые реалии разнятся:

Русская Церковь ныне имеет стабильное Патриаршество и отделена от государства. Но чем теснее становятся церковно-государственные отношения — как в целом, так и в конкретных аспектах, тем яснее проявляются нюансы, роднящие нас с синодальной эпохой, — как положительные, так и проблемные. Опыт предшественников следует учитывать, но для этого его надо изучать, осмыслять, осваивать уже изученное и осмысленное.

Среди авторов, сделавших заметный вклад в изучение и осмысление синодального периода, Антон Владимирович Карташев — выходец с Урала, выпускник Екатеринбургского духовного училища, Пермской духовной семинарии, Санкт-Петербургской духовной академии, последний обер-прокурор Святейшего Синода и единственный в истории России министр исповеданий, многолетний профессор Православного Свято-Сергиевского богословского института в Париже, один из наиболее значимых и неоднозначных русских церковных историков конца XIX — XX вв., богослов, библиист. Так как настоящая статья в некотором смысле является продолжением нескольких докладов, сделанных в рамках научно-богословских конференций «Церковь. Богословие. История» в Екатеринбурге и опубликованных в тезисном виде¹, нет необходимости специально представлять главного героя более подробно.

Как было отмечено выше, в последние годы появился обширный комплекс новых исследований, посвященных синодальному периоду; выявлены факты, доселе неизвестные или мало известные; существенно расширилась палитра выводов и парадоксов, связанных с синодальным периодом. Тем не менее, интерес к оценкам и выводам А. В. Карташева сохраняется, а возможно, и приобретает новое звучание. Это обусловлено несколькими факторами.

1. А. В. Карташев является и активным деятелем синодального периода, и исследователем, оценивающим этот период во всей целостности по-

¹ Сухова Н. Ю. Антон Владимирович Карташев: попытка христианского осмысления истории // Церковь. Богословие. История. Мат-лы IV Междунар. научн.-богосл. конф. (Екатеринбург, 5–6 февраля 2016 г.). Екатеринбург: Информационно-издательский совет ЕДС, 2016. С. 322–330; *Она же*. А. В. Карташев о переломе в истории Русской Церкви 1917–1918 гг.: «уравнение со многими неизвестными» // Церковь. Богословие. История. Мат-лы VI Всеросс. научн.-богосл. конф. (Екатеринбург, 10–12 февраля 2018 г.). Екатеринбург, 2018. С. 30–36; *Она же*. А. В. Карташев о синодальном периоде в истории Русской Церкви: стыд и позор или слава и гордость? // Церковь. Богословие. История. Мат-лы VII Всеросс. научн.-богосл. конф. (Екатеринбург, 8–10 февраля 2019 г.). Екатеринбург, 2019. С. 307–313.

«Вопреки стеснительному режиму со времени Петра Великого...»

сле его завершения. Справедливости ради следует заметить, что и в синодальные годы Антон Владимирович, как академический историк Русской Церкви, выступал в этой двойной роли (деятеля и исследователя), пытаясь оценить синодальные реалии находясь в их же контексте. И, видимо, для него это было очень важно: недаром для темы пробной лекции перед вступлением на кафедру русской церковной истории в СПбДА он выбрал так называемую синодальную реформу или реформу Петра I.

2. Жизненный путь и деятельность А. В. Карташева отражали наиболее значимые и неоднозначные тенденции конца XIX — начала XX в.:

– вхождение в духовную школу и богословскую деятельность представителей иных сословий, а в круги интеллектуальной элиты — крестьян (А. В. Карташев, как известно, происходил из семьи уральских горняков, бывших за несколько поколений до этого крепостными крестьянами);

– активное участие представителей академического богословия в общественно-политических процессах (А. В. Карташев дал в этом отношении один из самых ярких примеров: обер-прокурор, член Временного правительства, министр исповеданий);

– диалог Церкви с «богоискателями» из творческой интеллигенции, в который Карташев включился охотно и заинтересованно: на первом этапе — как представитель духовных академий (в религиозно-философских собраниях 1901–1903 гг.), в дальнейшем — как ставший «своим» член философско-литературной среды (в петербургском Религиозно-философском обществе, в неформальных контактах с Д. И. Мережковским, семьей З. Гиппиус и др.);

– публичное обсуждение экклесиологической специфики и изъянов синодальной эпохи на всех уровнях и, наконец, самоликвидация самого синодального строя через восстановление Патриаршества на Поместном Соборе, для реализации которого А. В. Карташев сделал очень много, как последний обер-прокурор и первый министр исповеданий.

Из этого следует, что А. В. Карташев, при всей его неоднозначности и резких поворотах судьбы, был знаковой фигурой в консолидации слоев российского общества, к концу XIX — началу XX вв. уже достаточно разъединенных: народных низов, из которых А. В. Карташев вышел; духовно-учебного мира, который его воспитал и в котором он какое-то время пребывал; творческой интеллигенции, принявшей его в свой круг после Рели-

гиозно-философских собраний; политической элитой, признание которой было засвидетельствовано назначением А. В. Карташева обер-прокурором, а в дальнейшем министром исповеданий Временного правительства. Кроме того, на долю А. В. Карташева выпала еще одна связующая роль: богословской школы русской диаспоры в лице Свято-Сергиевского института в Париже с дореволюционными духовными академиями.

А. В. Карташев, как церковный историк, уже на начальном этапе своей деятельности показал способность и склонность к непредвзятому критическому анализу источников и событий и смелым обобщениям и выводам. В дальнейшем концептуальное мышление позволяло А. В. Карташеву каждое конкретное событие — и из прошлого, и из современности — рассматривать и оценивать, с одной стороны, в широком историческом и идейном контексте, с другой стороны, в перспективе общего исторического процесса во вселенском масштабе. Последнее — историческое исполнение Церкви — было для А. В. Карташева особенно важно, как и отношение религии к истории.

Многие исследователи, работавшие с наследием А. В. Карташева, отмечали неоднозначность в его оценках и синодального строя, и состояния Русской Церкви в синодальный период. Попытки так или иначе решить эту неоднозначность, разумеется, предпринимались. Одни авторы ставили акцент на критике А. В. Карташевым всего происходившего в синодальный период, ссылаясь на его слова о «дефективности петровского синодального строя»², истолковывая через эту призму все остальные замечания историка относительно церковно-государственных отношений и других аспектов церковной жизни. Другие, ссылаясь на некоторые фрагменты сочинений А. В. Карташева, настаивали на его симпатиях к «модернизму» и Реформации — следовательно, при всем очевидном несогласии А. В. Карташева собственно с петровской реформой и ее последствиями, близости к ним по взглядам. В этом отношении достаточно вспомнить оправдательную записку А. В. Карташева 1927 г., адресованную митрополиту Евлогию (Георгиевскому) и связанную с обвинениями Антона Владимировича в указанных симпатиях³. Иногда

² *Митрофанов Г., прот.* Антон Владимирович Карташев — русский богослов и церковный историк, государственный и общественный деятель // Посев. 2002. № 10/11. С. 36–42. См. соответствующую цитату: *Карташев А. В.* Воссоздание Святой Руси. М., 1991. С. 103.

³ *Карташев А. В.* Объяснение (по поводу обвинения в еретическом модернизме) // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1927. № 5 (17 (30) ноября). С. 23–30.

«Вопреки стеснительному режиму со времени Петра Великого...»

предлагался компромиссный вариант, авторы которого пытались умирить обе крайности «хронологическим» решением: в самый синодальный период А. В. Карташев был сторонником обновления и даже радикального изменения всех сторон церковной жизни, критиком самодержавной монархии, поставившей и Русскую Православную Церковь в жесткую зависимость от империи; к концу жизни А. В. Карташева его взгляды кардинально изменились, и он стал с высоким пиететом говорить о монархии, бывшей симфонии и пр. К такому решению подталкивает, как кажется, сам А. В. Карташев, замечавший, что интеллектуалы синодального периода, обращая внимание более на проблемы своей эпохи, нежели на ее достоинства, были не в силах «подняться над схваткой» и оценить эпоху объективно⁴. Конец же имперской России и синодальной эпохи не только «ускорил <...> возможность исторической его [синодального периода. — Н. С.] оценки», но трагичность завершения послужила катализатором симпатий к потерянному⁵.

Однако при более внимательном прочтении работ А. В. Карташева становится понятно, что применение какой-либо схематизации к его взглядам является недопустимым упрощением, за которым мы рискуем так и не понять этого интереснейшего мыслителя.

Разумеется, данная статья не претендует на полное понимание карташевских идей и оценок синодального периода во всей их глубине и непростоте — это лишь авторская попытка учесть при рассмотрении некоторые моменты, важные для А. В. Карташева.

На всех этапах своей деятельности А. В. Карташев строго разделял понятия «синодальный *строй*» и «синодальный *период*».

Синодальный *строй* в понимании А. В. Карташева имел несомненные изъяны, из которых он чаще всего выделял два наиболее болезненных. Первый и главный изъян синодального строя А. В. Карташев видел в «связанности церковной свободы», лишенности Русской Церкви «своей соборности, выборного начала и вообще всего самоуправления»⁶, к чему привела реформа Петра. А. В. Карташев признавал вредность государственной опеки Церкви — опеки, подавляющей «церковное со-

⁴ *Карташев А. В.* Русская Церковь периода Империи // Он же. Церковь, история, Россия: сб. ст. М., 1996. С. 168.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 171.

знание» и закрывающей вход церковных сил «к новому творчеству». Но при этом настаивал на том, что делает это «последним из последних», «вслед за всей русской иерархией, которая двести лет воздыхала под бременем “Духовного регламента”»⁷. В самом деле, в сравнении с мнениями, высказываемыми в «Отзывах епархиальных архиереев» 1905 г., на предсоборных мероприятиях 1906–1917 гг. и на самом Поместном Соборе 1917–1918 гг., оценка А. В. Карташевым церковно-государственных отношений синодальной эпохи не является более категоричной, а вполне соответствует почти общему настрою тех лет.

При этом, несмотря на критическое отношение к петровской церковной реформе, А. В. Карташев усматривал в ней неизбежность, обусловленную изменившимся миром. В Европе уже гуманизм, эмансипировав человеческое начало от начала Божеского, утвердил не только независимость человеческого начала, но и его примат, даже абсолютизм. Однако дискуссии о двойственности права — Божественного (*jus divinum*) и человеческого (*jus humanum*) — к XVI в. были «покрыты» новой идеей — «естественного права» (*jus naturalis*), как высшего начала, «воплощенного в национальном государстве, занимающем определенную территорию» и управляющем всем, что есть на этой территории, включая все религии, Церкви и секты. Полнота государственной власти — законодательной, административной, судебной — обуславливает ее примат над религиозной сферой. Религиозная жизнь — догматическая, нравственная, мистическая — протекает на глубине, независимой от внешней власти государства; «на деле же эта зависимость, как и в таинственной связи души с телом, является вполне реальной и исторически весьма осязаемой»⁸. Таким образом, взаимоотношения Церкви и государства в Новое время так радикально изменились, что средневековая теократия оказалась нежизнеспособной как в ее «острой форме римского папо-кесаризма», так и в «смягченной форме византийского кесаро-папизма»⁹. Западный вариант «клерикализма» в перспективе Нового времени сломался быстрее, чему способствовала Реформация; «естественное право» и «территориализм» стали нормой — по крайней мере, в протестантских странах, заменив примат сакрального автори-

⁷ Карташев А. В. Объяснение (по поводу обвинения в еретическом модернизме). С. 23.

⁸ Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви: в 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 314.

⁹ Там же.

тета Церкви приматом лаического авторитета государства и светской культуры. С точки зрения А. В. Карташева, исторически теократия в России была сокрушена еще до Петра: ее внешние, материальные силы были сокрушены боярами, стремившимися сломить имущественные привилегии иерархии и монастырей; внутренние, духовные силы Церкви были ослаблены трагедией раскола¹⁰. Однако это не умаляло значения Петра: увлеченный лаическим «просвещенским» мировоззрением и идеей «естественного права», он стал решительным проводником и исполнителем перелома в неотвратимом всемирно-историческом процессе меняющихся взаимоотношений Церкви и государства. Именно в Петре восторжествовало это западноевропейское мировоззрение, в российском варианте сменившее высшую цель бытия: не Царство Небесное, а «прогрессирующее улучшение земного благоденствия» — «общее благо» (*bonum commune*)¹¹. Православный Восток — увы — не мог дать ему никакой убедительной альтернативы: все попытки XVII века получить духовно-интеллектуальную помощь с Востока давали лишь отдельных и мало удовлетворявших «учителей-греков».

А. В. Карташев усматривает еще один значимый изъян, к которому привели в России «просвещенческие» преобразования, начатые Петром и продолженные последующими правителями: «раскол <...> в мировоззрении русского народа». Единый народ раскололся на три группы, которые постепенно отдалялись друг от друга, лишаясь взаимной помощи. Правящий класс, учившийся на западных образцах, стал мыслить «в духе рационализма, индифферентизма, вольтерьянского презрения к своей Церкви» — а значит, и к ее клиру. Клир, прошедший латиноязычную «схоластическую школу», в результате был неспособен и удовлетворять духовные интересы образованного общества, даже когда таковые появлялись, и отчуждился внутренне от простого народа, «плотью от плоти» которого был ранее. Народные низы, отрезанные и от культурных классов, и от духовенства, стали загадкой и для тех, и для других, коснели в духовном невежестве, суевериях и религиозно увядали¹². Это разделение настолько ослабило российское общество, что земными путями обрести единство и силу было практически невозможно, что и определило крах Империи.

¹⁰ *Карташев А. В. Очерки по истории Русской Церкви. С. 313.*

¹¹ Там же. С. 321.

¹² *Карташев А. В. Русская Церковь периода Империи... С. 172.*

В целом подобные оценки — в более или менее резких формах — были распространены в начале XX в. в России, а после 1917 г. — в русской диаспоре. Однако карташевская концепция имела специфику. Постараемся определить ее в трех опорных «столпах»:

– его понимания «симфонии» и особенностей восточно-христианской концепции церковно-государственных отношений;

– понимание «халкидонского принципа», применяемого А. В. Карташевым к исторической реализации Церкви в мире;

– соотнесения внешнего — исторического — и внутреннего бытия Церкви, их иерархии как оценочного и действенного начал.

1) А. В. Карташев был несомненным сторонником теоретической симфонии как идеала исторической связи Церкви и христианской империи. Неоднократно напоминая евангельский призыв — разделять два порядка реальности, воздавая «кесарю кесарево и Богу Божье»¹³, А. В. Карташев, тем не менее, настаивал на том, что нередкое утверждение об утрате Церковью со времени Константина Великого своей свободы, ее падении и подклонении «под власть кесаря» несправедливо. Роль византийских василевсов в Церкви была самой Церковью признана канонической и самой «тонкой и совершенной формулой взаимоотношений Церкви и государства»¹⁴. В определенной степени проекция идеала, с точки зрения нашего героя, имела место и в синодальном строе Русской Церкви — опять же в форме этого теоретического упования. В исторической же действительности, по мнению А. В. Карташева, идеал симфонии в должной степени не реализовался как в Византии, так и в России, ибо предельная попечительность государства приводила к существенному умалению канонической свободы Церкви¹⁵. Более того, государству, как явлению временному, свойственно принимать на себя тенденции и идеи своего времени, которые оно пытается навязать и Церкви. Однако, «несмотря на фактические грехи» — неизбежные, ибо человеческой безгрешности нет и в церковной истории, — «восточный симфонизм и диархизм на деле себя оправдал, как система», свидетельством чего является созданная ими христианская цивилизация — ци-

¹³ Карташев А. В. Церковь и государство // Он же. Церковь, история, Россия... С. 227.

¹⁴ Карташев А. В. Православие в его отношении к историческому процессу // Он же. Церковь, история, Россия... С. 50.

¹⁵ Карташев А. В. Воссоздание Святой Руси. М., 1991. С. 75.

«Вопреки стеснительному режиму со времени Петра Великого...»

визация *par excellence*, главенствующая на земном шаре и качественно превосходящая все другие цивилизации¹⁶. Синодальный строй, с точки зрения А. В. Карташева, являлся одновременно и отрицанием указанной симфонии, и попыткой ее вариации в виде православной Империи.

2) В «халкидонском принципе» А. В. Карташев видел ключ к рассмотрению всего православного делания в мире, единство мысли и дела, в котором богословие и земная политика раскрывались как два аспекта единого жизненного подвига: с одной стороны, не позволяющего водить частную, «конкретную плоть исторической жизни» в абсолютно непогрешимую Церковь невидимую; с другой стороны, не допускающего их разрыва, пренебрежения к «конкретной плоти исторических фактов»¹⁷. И синодальный период, с точки зрения Карташева, явился яркой иллюстрацией «неслитности и неизменности, нераздельности и неразлучности».

3) Вопрос о соотношении внешнего — исторического — и внутреннего бытия Церкви был для А. В. Карташева особенно важен, как для активного участника обсуждений и самого процесса церковных реформ начала XX в. Состав и устремления участников этого процесса были столь разнообразны, что сама принадлежность к процессу не является маркером, как-то определявшим церковные взгляды того или иного участника. Многие идеи, близкие к тому, что сочетается с понятием Реформации, побудили А. В. Карташева еще в 1916 г. в рамках Религиозно-философского общества произнести знаковую речь «Реформа, Реформация и исполнение Церкви»¹⁸, неоднозначно воспринятую современниками и в дальнейшем неоднократно служившую основанием для обвинений А. В. Карташева в модернизме и симпатиях к Реформации. Однако автор, напротив, оценивал и стремления, и плоды Реформации жестко: это «упрощение, урезание, упразднение <...> сложного религиозного целого», «обеднение объема понятия религии», попытка свести ее к некоторым узким и тесным границам; примитивизация, рационализация, секуляризация, выхолащивание мистической глубины Церкви — то есть «убиение Церкви»,

¹⁶ *Карташев А. В. Церковь и государство // Он же. Церковь, история, Россия... С. 225–226.*

¹⁷ *Карташев А. В. Пути единения // Он же. Церковь, история, Россия: сб. ст. М., 1996. С. 266–268.*

¹⁸ *Карташев А. В. Реформа, Реформация и исполнение Церкви. Пг., 1916.*

которые деятели Реформации совершенно ложно называли «возвратом к апостольской простоте»¹⁹. И в стремлении современников отстранить церковную жизнь от государственной, общественной А. В. Карташев видел опасность отстранить христианство и Церковь от культуры их времени, сузить, ограничить, умалить пределы религиозной жизни, загнать «религию в отрешенный, не видимый миру уголок личности», и саму культуру, человеческое творчество, новые проблемы человеческого духа и человеческого общества лишить церковного окормления и церковного освящения, усугубив секуляризацию церковной жизни²⁰.

В связи с этим вставал более общий вопрос, чрезвычайно важный для А. В. Карташева: о возможности как-то менять, обновлять формы церковной жизни. В этом отношении он смело заявлял о неизбежности и полезности таких изменений, если они имеют в виду учет «творческого сознания культурных групп» и посильное участие Церкви «в созидании культурной истории»²¹. Эта убежденность в возможности для Церкви «непрестанного плодоношения» в истории — «и новых святых, и новых чудес, и новых отцов и учителей Церкви, и новых формул вечно неизменного в существе апостольского залога веры, новых проявлений и форм духовной и нравственной силы» была для А. В. Карташева исповеданием «присно животворящего Церковь Духа Святого» на протяжении всей жизни²². Стремление к новым формам А. В. Карташев вовсе не считал отступлением от «истины, хранящейся в Церкви со времен апостольских»: мистическая ткань Церкви, Тело Христово, не создается и не разрушается никакими видимыми формами бытия Церкви, но, напротив, исторические формы должны соотноситься и поверяться этой мистической глубиной²³. Поэтому и критика петровской реформы была связана для А. В. Карташева не с новизной синодальной формы церковного правления, а с тем, что эта форма была определена не самой Церковью, исходя из нужд церковных, но внешними причинами и внешними принципами.

Что же касается синодального *периода*, то он, с точки зрения А. В. Карташева, имел гораздо больше достижений в церковной жиз-

¹⁹ Карташев А. В. Реформа, Реформация и исполнение Церкви. С. 20–21.

²⁰ Там же. С. 26.

²¹ Там же. С. 22.

²² Карташев А. В. Объяснение (по поводу обвинения в еретическом модернизме)... С. 27.

²³ Карташев А. В. Реформа, Реформация и исполнение Церкви. С. 20.

«Вопреки стеснительному режиму со времени Петра Великого...»

ни, нежели неудач. В подтверждение этого А. В. Карташев приводит несколько ключевых аргументов: 1) внешний, количественный рост Русской Церкви, подразумевающий и новую, повышенную качественность; 2) активная миссия как на территории Российской империи, так и за ее пределами, причем с выработкой особых миссионерских методов (перевод Священного Писания и богослужебных текстов на языки и наречия просвещаемых народов, воспитание духовенства из инородцев и пр.); 3) поддержка — материальная, просветительская, духовная — единоверных Церквей Востока, ослабленных игом ислама; 4) развитие в самой России духовного просвещения, ориентированного на все слои населения; 5) становление и развитие церковной науки и самостоятельной богословской мысли; 6) участие Русской Церкви в межконфессиональных диалогах; 7) деятельное участие в богословском творчестве мирян (философов, писателей, живописцев, музыкантов); 8) плодотворное развитие культового благочестия; 9) новое возрождение русского монашества, причем не только и не столько во внешнем, сколько во внутреннем делании; 10) наконец, самое «бесспорное мерило силы Церкви» — рост святости и благочестия²⁴. И восстановление Патриаршества в 1917 г. для А. В. Карташева было важно не только как исправление ошибочной петровской реформы, но и как свидетельство способности Русской Церкви к самостоятельной оценке ситуации, к выбору наиболее адекватной формы внешнего устройства, определенной нуждами Церкви, к самостоятельным действиям по приведению этого выбора в исполнение. А это, в свою очередь, означало не только то, что синодальный строй не затронул мистическую глубину Церкви — в этом не было сомнения, а то, что Русская Церковь в течение синодального периода окрепла в способности к своей исторической реализации, обратив нюансы «дефективного режима», как это ни парадоксально с точки зрения земной реальности, во благо и укрепление. Свидетельством этого явились не только расцвет Церкви собственно в синодальный период, но и в дальнейшем — внутреннее противостояние безбожному режиму в постсинодальный период и сонм новомучеников и исповедников.

Более того, А. В. Карташев делает и более сильное утверждение: выявляя «такое количество черт положительного характера» в сино-

---

²⁴ *Карташев А. В. Русская Церковь периода Империи // Он же. Церковь, история, Россия... С. 173–180.*

дальном периоде и сопоставляя их «с прежними периодами Русской Церкви», он признает синодальный период «периодом ее [Русской Церкви. — Н. С.] восхождения на значительно большую высоту почти по всем сторонам ее жизни в сравнении с ее древним теократическим периодом», то есть синодальный период есть «не стыд и позор, а слава и гордость Русской Церкви»²⁵. На этом и зиждется известный и многократно повторяемый тезис А. В. Карташева: «...вопреки стеснительному режиму со времени Петра Великого наша Церковь все-таки расцвела»²⁶.

Заметим, что эта церковная парадоксальность — «вопреки» — позволяла А. В. Карташеву высказывать надежду на то, что и новый период в истории Русской Церкви — принципиально более «стеснительный» (советской власти) — имеет перспективу нового расцвета Русской Церкви: не в земных, а в надмирных категориях²⁷.

Разумеется, оценки А. В. Карташева должны рассматриваться критически, ибо многие из них вполне обоснованно вызывают сомнения, в том числе и некоторые его идеи относительно синодального строя. Однако главным вкладом А. В. Карташева в изучение синодального периода истории Русской Церкви можно считать его попытку сочетать в этом изучении критический и беспристрастный анализ источников, с одной стороны, и масштабное богословское видение исторического процесса, с другой. Значимо и кредо церковного ученого, сформулированное для себя А. В. Карташевым и особенно важное ввиду нередких обвинений его в радикальном понимании исследовательской свободы: «Я высоко ценю умственное и научное служение Церкви и свободу, даруемую для этого в Православии, но абсолютная верность Церкви и вечное спасение для меня не идет с этими относительными ценностями ни в какое сравнение»²⁸. Эту иерархию ценностей А. В. Карташев не относил непосредственно к оценке синодального периода. Но так как сам А. В. Карташев сформировался как ученый и выработал свое кредо именно в синодальный период, то, несмотря на всю неоднозначность его идей, как любого действующего

---

²⁵ *Карташев А. В.* Русская Церковь периода Империи // Он же. Церковь, история, Россия... С. 178–179.

²⁶ Там же. С. 182.

²⁷ Там же. С. 181–182.

²⁸ *Карташев А. В.* Объяснение (по поводу обвинения в еретическом модернизме). С. 30.

«Вопреки стеснительному режиму со времени Петра Великого...»

ученого, выработанная иерархия ценностей свидетельствует не о «стыде и позоре», а скорее о «славе и гордости» синодального периода.

Сведения об авторе. Сухова Наталия Юрьевна — доктор исторических наук, доктор церковной истории, профессор; профессор кафедры общей и русской церковной истории, заведующая Научным центром истории богословия и богословского образования богословского факультета Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (Россия, г. Москва). *E-mail: suhovanat@gmail.com*

Список литературы

1. *Карташев А. В.* Воссоздание Святой Руси. М., 1991.
2. *Карташев А. В.* Объяснение (по поводу обвинения в еретическом модернизме) // Церковный вестник Западно-Европейской епархии. 1927. № 5. С. 23–30.
3. *Карташев А. В.* Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М., 1992.
4. *Карташев А. В.* Православие в его отношении к историческому процессу // Он же. Церковь, история, Россия: Сборник статей. М., 1996. С. 44–60.
5. *Карташев А. В.* Пути единения // Он же. Церковь, история, Россия: Сборник статей. М., 1996. С. 263–270.
6. *Карташев А. В.* Реформа, Реформация и исполнение Церкви. Петроград., 1916.
7. *Карташев А. В.* Русская Церковь периода Империи // Он же. Церковь, история, Россия: Сборник статей. М., 1996. С. 168–182.
8. *Карташев А. В.* Церковь и государство // Он же. Церковь, история, Россия: Сборник статей. М., 1996. С. 224–240.
9. *Митрофанов Г., прот.* Антон Владимирович Карташев — русский богослов и церковный историк, государственный и общественный деятель // Посев. 2002. № 10/11. С. 36–42.
10. *Сухова Н. Ю.* Антон Владимирович Карташев: попытка христианского осмысления истории // Церковь. Богословие. История. Материалы IV Международной научно-богословской конференции (Екатеринбург, 5–6 февраля 2016 г.) Екатеринбург, 2016. С. 322–330
11. *Сухова Н. Ю.* А. В. Карташев о переломе в истории Русской Церкви 1917–1918 гг.: «уравнение со многими неизвестными» // Церковь. Богословие. История. Материалы VI Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 10–12 февраля 2018 г.) Екатеринбург, 2018. С. 30–36.
12. *Сухова Н. Ю.* А. В. Карташев о синодальном периоде в истории Русской Церкви: стыд и позор или слава и гордость? // Церковь. Богословие. История. Материалы VII Всероссийской научно-богословской конференции (Екатеринбург, 8–10 февраля 2019 г.) Екатеринбург, 2019. С. 307–313.

**“DESPITE THE HARSH REGIME FROM THE TIME OF
PETER THE GREAT OUR CHURCH HAS BEEN BLOOMING”:
THE SYNODAL PERIOD OF THE ORTHODOX RUSSIAN CHURCH
IN A. V. KARTASHEV’S ESTIMATES**

Abstract. This article is devoted to the church-historical assessment of the Synodal period as the most complicated one in the history of the Russian Orthodox Church, which is often estimated with diametrically opposite values and inevitably provokes heated discussions. Special attention is paid to the perception of the Synodal period by Anton Kartashev — one of the most prominent and ambiguous Russian Church leaders and historians of the late 19th — 20th centuries. Synodal system of the Russian Church and the corresponding period were among the most important problems for A. V. Kartashev who, on the one hand, had been educated and active in the Synodal period, and then he became a witness that saw this period being completed.

Kartashev’s attitude to this question is rather difficult to identify, as his statements often seem to be contradictory. The author draws special attention to the fact that A. Kartashev separates the concepts of “Synodal system” and “Synodal period”. In the “Synodal system” the historian saw a lot of negative features, the most painful of which were «limitation of church freedom» and «the split ... in the worldview of the Russian people»: the ruling class, the clergy and the people. At the same time, many features that determined Synodal system were considered by A. V. Kartashev to be inevitable in historic conditions of the new era, which radically changed the relationship between the Church and the state. A. V. Kartashev considered Synodal period the highest flourishing of the Russian Church, its glory and dignity, despite many events that provoked criticism.

The study of Kartashev’s research on the Synodal period is conducted in the light of the “three pillars”, according to A. Kartashev: 1) his understanding of the “symphony” and features of the Eastern Christian concept of Church-State relations; 2) «Chalcedonian principle» applied by him to the Church history; 3) correlation of the external — historic — and the inner being of the Church and the related issue of the possibility of updating the historical forms of church life.

Keywords: *Anton Kartashev, Synodal system, Synodal period in the history of the Russian Orthodox Church, church reform of Peter the Great, Holy Synod, the Sacred Council of the Orthodox Russian Church.*

Citation. Sukhova N. Yu. «Vopreki stesnitel’nomu rezhimu so vremeni Petra Velikogo nasha Tserkov’ vse-taki rastsvela»: sinodal’nyi period Pravoslavnoi Rossiiskoi Tserkvi v otsenkakh A. V. Kartasheva [“Despite the Harsh Regime from the Time of Peter the Great Our Church Has Been Blooming”: the Synodal Period of the Orthodox Russian Church in A. V. Kartashev’s Estimates]. *Vestnik Ekaterinburgskoi dukhovnoi seminarii — Bulletin of the Ekaterinburg Theological Seminary*, 2019, no. 3 (27), pp. 66–82. DOI: 10.24411/2224-5391-2019-10303

About the author. Sukhova Nataliya Yurievna — Doctor of Historical Sciences, Doctor of Church History, Professor; Professor of the Department of World and Russian Church History, Head of the Scientific Center for the History of Theology and Theological Education of the Theological Faculty of St. Tikhon's Orthodox University (Moscow). *E-mail: suhovanat@gmail.com*

References

1. Kartashev A. V. *Vossozdanie Sviatoi Rusi* [Re-establishment of Holy Rus']. Moscow, 1991.
2. Kartashev A. V. Ob"yasnenie (po povodu obvineniia v ereticheskom modernizme) [Explanation (regarding the charge of heretical modernism)]. *Tserkovnyi vestnik Zapadno-Evropetskoi eparkhii — Church Bulletin of the Western European Diocese*, 1927, no. 5, pp. 23–30.
3. Kartashev A. V. *Ocherki po istorii Russkoi Tserkvi* [Essays on the History of the Russian Church]. Moscow, 1992, vol. 2.
4. Kartashev A. V. Pravoslavie v ego otnoshenii k istoricheskomu protsessu [Orthodoxy in Its Relation to the Historical Process]. *Tserkov', istoriia, Rossiia: sbornik statei* [Church, History, Russia: Collection of Articles]. Moscow, 1996, pp. 44–60.
5. Kartashev A. V. Puti edineniia [The Paths of Unity]. *Tserkov', istoriia, Rossiia: Sbornik statei* [Church, History, Russia: Collection of Articles]. Moscow, 1996, pp. 263–270.
6. Kartashev A. V. *Reforma, Reformatsiia i ispolnenie Tserkvi* [Reform, Reformation and Church Enforcement]. Petrograd, 1916.
7. Kartashev A. V. Russkaia Tserkov' perioda Imperii [Russian Church of the Empire Period]. *Tserkov', istoriia, Rossiia: Sbornik statei* [Church, History, Russia: Collection of Articles]. Moscow, 1996, pp. 168–182.
8. Kartashev A. V. Tserkov' i gosudarstvo [Church and State]. *Tserkov', istoriia, Rossiia: Sbornik statei* [Church, History, Russia: Collection of Articles]. Moscow, 1996, pp. 224–240.
9. Mitrofanov G., prot. Anton Vladimirovich Kartashev — russkii bogoslov i tserkovnyi istorik, gosudarstvennyi i obshchestvennyi deiatel' [Anton Vladimirovich Kartashev — a Russian Theologian and Church Historian, Statesman and Public Figure]. *Posev — Possev*, 2002, no. 10/11, pp. 36–42.
10. Sukhova N. Yu. Anton Vladimirovich Kartashev: popytka khristianskogo osmysleniia istorii [Anton Vladimirovich Kartashev: an attempt of the Christian understanding of history]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriiia. Materialy IV Mezhdunarodnoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii (Ekaterinburg, 5–6 fevralia 2016 g.)* [Church. Theology. History. Proceedings of the 4-th International Scientific and Theological Conference (Ekaterinburg, February 5–6, 2016)]. Ekaterinburg, 2016, pp. 322–330.
11. Sukhova N. Yu. A. V. Kartashev o perelome v istorii Russkoi Tserkvi 1917–1918 gg.: «uravnenie so mnogimi neizvestnymi» [A. V. Kartashev on the Turning Point in the History of the Russian Church of 1917–1918: «an equation with many unknowns»]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriiia. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii (Ekaterinburg, 10–12 fevralia 2018 g.)* [Church. Theology. History. Proceedings of the 6-th International Scientific and Theological Conference (Ekaterinburg, February 10–12, 2018)]. Ekaterinburg, 2018, pp. 30–36.

Н. Ю. Сухова

12. Sukhova N. Yu. A. V. Kartashev o sinodal'nom periode v istorii Russkoi Tserkvi: styd i pozor ili slava i gordost'? [A. V. Kartashev on the Synodal Period in the History of the Russian Church: Shame and Disgrace, or Glory and Dignity?]. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriiia. Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-bogoslovskoi konferentsii (Ekaterinburg, 8–10 fevralia 2019 g.)* [Church. Theology. History. Proceedings of the 7-th International Scientific and Theological Conference (Ekaterinburg, February 8–10, 2019)]. Ekaterinburg, 2019, pp. 307–313.